

Социальная цена инфляции: межгрупповое инфляционное бремя и неравенство в России

Клачкова Ольга Александровна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: sparrow889@gmail.com

Тихтурова Анастасия Вадимовна

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: atikhturova@gmail.com

Цитирование: Клачкова О.А., Тихтурова А.В. (2026). Социальная цена инфляции: межгрупповое инфляционное бремя и неравенство в России. *Terra Economicus* 24(2), 88–100. DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-2-88-100

В статье исследуется дифференциация инфляционного бремени между домохозяйствами с различным уровнем доходов на примере России в 2010–2022 гг. В условиях повышенной инфляционной волатильности и усиления жесткости денежно-кредитной политики вопрос о том, кто именно несет издержки роста цен, приобретает особую значимость. На основе структуры расходов децильных групп населения авторами строится межгрупповой индекс потребительских цен, позволяющий оценить различия в уровне «личной инфляции» и их влияние на динамику реальных доходов. Результаты показывают, что домохозяйства с низкими доходами систематически сталкиваются с более высокой инфляцией по сравнению с обеспеченными группами, причем разрыв усиливается в кризисные периоды. Это приводит к заниженной оценке масштабов экономического неравенства при использовании агрегированного индекса потребительских цен в качестве дефлятора доходов. Следовательно, усредненные инфляционные индексы могут маскировать реальную динамику покупательной способности и недооценивать социальную цену инфляции. Проведенный анализ демонстрирует, что учет межгрупповых различий в инфляции является необходимым условием корректной оценки реальных доходов и разработки более адресной распределительной политики. Ограничением работы является использование укрупненных категорий потребления (продовольственные товары, непродовольственные товары и услуги) без учета внутрикатегорийной вариации цен и качества товаров, что открывает перспективы для дальнейших исследований на основе микроданных.

Ключевые слова: инфляционное бремя; неравенство доходов

The social cost of inflation: Intergroup inflation burden and inequality in Russia

Olga Klachkova

Lomonosov Moscow State University, Russia, e-mail: sparrow889@gmail.com

Anastasia Tikhturova

Lomonosov Moscow State University, Russia, e-mail: atikhturova@gmail.com

Citation: Klachkova O., Tikhturova A. (2026). The social cost of inflation: Intergroup inflation burden and inequality in Russia. *Terra Economicus* 24(2), 88–100 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2026-24-2-88-100

This paper examines the heterogeneity of the inflation burden across households with different income levels in Russia over 2010–2022. In a context of heightened inflation volatility and tighter monetary policy, the question of who ultimately bears the costs of rising prices becomes especially important. Using the expenditure structure of income deciles, we construct an intergroup consumer price index to measure differences in “personal inflation” and assessing their impact on real-income dynamics. The results show that low-income households systematically face higher inflation than better-off groups, and this gap widens during crisis periods. As a consequence, using the aggregate consumer price index to deflate incomes leads to an understatement of economic inequality. Average inflation measures can therefore obscure the true dynamics of purchasing power, while the social cost of inflation remains underestimated. The results show that accounting for between-group inflation differentials is a necessary condition for an accurate assessment of real incomes and for designing targeted redistribution policies. A limitation of the paper is its reliance on broad consumption categories (food commodities, non-food commodities, and services) without capturing within-category variation in prices and product quality, which points to promising directions for future research using micro-level data.

Keywords: inflation burden; income inequality

JEL codes: D31, E31, I32

Введение

Уровень инфляции не только является одним из ключевых индикаторов текущего состояния экономики, но и используется для его прогноза и разработки государственной политики. Контроль инфляции служит главной целью центральных банков многих государств, в том числе Центрального банка Российской Федерации. В последние годы для России эта задача стала особенно острой: инфляция заметно отклонялась от целевого уровня, а денежно-кредитные условия оставались жесткими длительное время; в то время как цель по инфляции установлена на уровне 4% годовых, инфляция в декабре 2025 г. составляла 5,59% г/г¹, а ключевая ставка в январе 2026 г. сохранялась на уровне 16%.

Высокая инфляция наблюдается в России в последние годы, при этом структурный шок 2022 г. усилил риски устойчивой (затяжной) инфляции из-за необходимости импортозамещения и перенастройки цепочек поставок², а также вследствие санкционного давления на российскую эконо-

¹ Инфляция в России. Банк России, 21 января 2026. https://www.cbr.ru/analytics/dkp/dinamic/CPD_2025-12/ (дата обращения: 30.05.2026).

² Инфляция в России: уравнение с семью неизвестными. Эконс, 8 апреля 2022. <https://econs.online/articles/ekonomika/inflyatsiya-v-rossii-uravnenie-s-semyu-neizvestnymi/> (дата обращения: 30.05.2026).

мику. В 2024–2025 гг. в России сложилась комбинация высоких ставок и проинфляционных стимулов: часть кредитных программ субсидируется и тем самым стимулирует спрос, работая как проинфляционный фактор (а значит, требует еще более жесткой денежно-кредитной политики). Кроме того, сохраняется и бюджетный стимул: наблюдается рост бюджетных расходов, что также является проинфляционным фактором. При этом трудовые ресурсы в России задействованы полностью (безработица находится на рекордно низком уровне), а производственные мощности – практически полностью³. При дальнейшем росте потребительского спроса производство не сможет его удовлетворить, и дополнительный спрос только вызовет ускорение инфляции.

Негативное влияние инфляции на экономику разнообразно. Длительное превышение инфляцией порогового уровня ориентировочно в 10% (пороговый уровень зависит от характеристик рассматриваемой страны) приводит к замедлению темпов экономического роста (Клачкова, 2017). Высокие темпы роста цен снижают инвестиционную активность (Картаев, Клачкова, 2017).

Инфляция оказывает влияние и на неравенство доходов. Низкий уровень инфляции связан с более высоким неравенством доходов, по мере роста инфляции неравенство снижается, достигает минимума при уровне инфляции около 13%, а затем начинает снова увеличиваться (Monnin, 2014; Картаев и др., 2020). В свою очередь, высокое неравенство может негативно сказываться на экономическом росте, особенно когда рынки капитала несовершенны (Aghion et al., 1999). В краткосрочном периоде эффект может быть даже позитивным, но в долгосрочном периоде он однозначно негативный (Halter et al., 2014).

Таким образом, макроэкономическая среда последних лет формирует классическую «дилемму стабилизации»: с одной стороны, жесткая денежно-кредитная политика призвана охлаждать спрос и снижать инфляционную инерцию, с другой – субсидирование кредитов и рост бюджета по отдельным направлениям могут поддерживать спрос и повышать устойчивость инфляции. Дополнительно структурные ограничения предложения и перестройка цепочек поставок повышают издержки и усиливают чувствительность инфляции к шокам. В этих условиях вопрос «кто платит цену инфляции» и «как измерять это бремя» становится не второстепенным, а центральным для корректной оценки реальных доходов и неравенства.

Значение уровня инфляции традиционно измеряется с помощью агрегированных индексов, как, например, Индекс потребительских цен (ИПЦ). Расчет этого показателя основан на предположении о фиксированной потребительской корзине и усреднении цен внутри различных категорий товаров и услуг.

Однако потребительский набор отдельного домохозяйства может отличаться от усредненной корзины и по структуре, и по наличию в ней определенных категорий товаров и услуг. Это приводит к отличию воспринимаемой⁴ разными группами домохозяйств инфляции от общего показателя, рассчитываемого статистическими органами. Люди судят об инфляции по категориям товаров, которые чаще покупают и лучше запоминают, и «товары-маркеры» (еда, лекарства, услуги жилищно-коммунального хозяйства, бензин) формируют «ощущаемую» инфляцию (Грищенко и др., 2023). Различия в «ощущаемой инфляции» трансформируются в различия инфляционных ожиданий, которые, в свою очередь, тоже гетерогенны по характеристикам домохозяйств, в том числе и по доходам, а значит, влияют на поведение домохозяйств и устойчивость инфляции.

В частности, можно рассматривать различия в инфляции между группами населения по основным социально-экономическим показателям. Так, еще со времен работы Э. Энгеля (Engel, 1857) было известно о различиях в структуре потребления у домохозяйств с разным уровнем доходов. Расхождения в потребительском поведении могут обусловить и различия в личной инфляции для этих домохозяйств. Для низкодходных групп населения ключевые «товары-маркеры» – прежде всего продукты питания; у более высокодходных в качестве маркера чаще фигурирует, например, бензин. То есть сама структура потребления делает воспринимаемую инфляцию у бедных обычно выше – и это важный канал «инфляционного бремени». Дифференциация населения по инфляционной нагрузке означала бы необходимость переоценки их реальных доходов и, следовательно, уровня неравенства в стране.

Таким образом, различная инфляционная нагрузка на домохозяйства может служить дополнительным источником неравенства наряду с естественными и приобретенными качествами людей, статусными различиями, различиями в производительности труда и особенностями развития отраслей, распределения накопленного имущества, а также динамики доходов от активов (Малкина, 2016; Овчинников, Малкина, 2019).

³ Загрузка мощностей российских предприятий установила новый рекорд. Опасен ли уже такой «перегрев» для экономики. РБК, 28 июля 2023. <https://www.rbc.ru/economics/28/07/2023/64c24a779a7947d8d3a08ed1> (дата обращения: 30.05.2026).

⁴ В качестве синонимов в данной статье выступают слова «ощущаемая» и «личная» инфляция.

Игнорирование различий в уровне воспринимаемой отдельными группами населения инфляции имеет последствия и для эффективности государственного регулирования экономики. Так, учет межгруппового неравенства по уровню инфляции может сделать распределительную политику более эффективной за счет переоценки реальных доходов населения. В частности, это касается налоговой политики и мер по борьбе с бедностью.

Инфляция действует как «регрессивный налог» и оказывает более сильное воздействие на благосостояние наименее обеспеченных слоев населения: у домохозяйств с низкими доходами выше доля расходов на базовые категории – еду, услуги жилищно-коммунального хозяйства⁵ и другие товары, спрос на которые неэластичен, поэтому одинаковый рост цен ухудшает их положение в большей степени, чем это имеет место среди обеспеченных домохозяйств. Это ключевой момент, объясняющий, почему инфляционное бремя тесно связано с неравенством и почему исследовать их нужно вместе.

Номинально фиксированные доходы (такие как зарплаты или пенсии) часто растут медленнее, чем инфляция, из-за запаздывающей индексации. Даже когда происходит индексация, она обычно проводится по инфляции, наблюдаемой в прошлых периодах, – и при ускорении роста цен для людей с фиксированными номинальными доходами покупательная способность снижается. В России наиболее чувствительны группы населения, для которых зарплаты и трансферты – основной источник дохода, т.е. менее обеспеченные.

Дифференциация населения по доходам и структуре потребления имеет последствия и для эффективности монетарной политики. Одни домохозяйства склонны приобретать товары и услуги с большей жесткостью цен, чем другие (Clayton et al., 2018), что делает их в разной степени подверженными последствиям денежно-кредитной политики. Также богатые домохозяйства имеют большую склонность к сбережению и испытывают больший перераспределительный эффект в свою пользу в результате изменения процентных ставок в экономике (Auclert, 2019). В.В. Зверева с соавторами показывают, что при сдерживающей денежно-кредитной политике темпы роста реальных доходов снижаются сильнее в регионах со стабильно высоким неравенством (через различия в структуре доходов/сбережений и предельной склонности к потреблению) (Zvereva et al., 2024). Для России с ее заметной региональной неоднородностью это прямой аргумент в пользу того, почему изучение неравенства критически важно для оценки эффективности денежно-кредитной политики.

Наконец, надо понимать, что для России инфляция – это не просто макроэкономическая переменная, но и фактор доверия, стабильности и общественного договора⁶, рост продовольственной инфляции часто становится триггером социальных волнений.

Цель данного исследования заключается в выявлении дифференциации инфляционного бремени у домохозяйств с различным уровнем доходов на примере населения России в 2010–2022 гг. Основная гипотеза состоит в том, что бедные домохозяйства несут большее инфляционное бремя, чем богатые, что означает недооценку уровня неравенства по реальным доходам при использовании усредненного индекса цен. Как следствие, гетерогенная инфляция приводит к более высокому неравенству в России, что в будущем может негативно сказаться на темпах роста экономики России.

Обзор литературы

Данная тема была освещена в научной литературе с разных сторон. В ранних работах по этой теме были построены экспериментальные индексы цен лишь для отдельных категорий населения. Например, выявлено, что уровень инфляции для пожилых потребителей (Amble, Stewart, 1994) может быть иным по сравнению с общим уровнем инфляции. Это зависит от того, как менялись цены в тех секторах, которые более важны для пожилых (например, медикаменты, медицинские услуги, жилищно-коммунальные услуги).

Некоторые исследования свидетельствуют об отсутствии систематического, устойчивого во времени превышения инфляционной нагрузки одной группы над другой (Hagemann, 1982). Особенный интерес представляет работа, в которой на микроданных о покупках, где товары идентифицируются по штрихкодам, показано, что большая часть вариации обусловлена различиями в ценах, которые домохозяйства платят за один и тот же товар (один и тот же штрихкод), и лишь небольшая доля вариации объясняется различиями в

⁵ ЦБ РФ обеспокоен ростом тарифов ЖКУ выше инфляции, ТАСС, 6 июня 2025 года. <https://tass.ru/ekonomika/24159361> (дата обращения: 30 мая 2026 года).

⁶ Стоимость доверия: почему важна репутация центробанка, Эконс, 4 декабря 2025 года. <https://econs.online/articles/monetarnaya-politika/stoimost-doveriya-pochemu-vazhna-reputatsiya-tsentrobanka/> (дата обращения: 30 мая 2026 года).

распределении расходов между укрупненными категориями товаров, т.е. различиями в структуре потребительских корзин домохозяйств на агрегированном уровне (Kaplan, Schulhofer-Wohl, 2017).

В других исследованиях отмечается, что большее инфляционное бремя ложится именно на бедные слои населения (Muellbauer, 1974; Garner et al., 1996; Jaravel, 2019, 2021). На основе микроданных о покупках, где товары идентифицируются по штрихкодам, обнаружено, что с 2004 по 2013 г. домохозяйства с более высоким доходом систематически сталкивались с большим увеличением разнообразия продуктов и более низким уровнем инфляции (Jaravel, 2019). Годовая инфляция была значимо ниже для домохозяйств с доходом выше \$100 000 в год по сравнению с домохозяйствами с доходом ниже \$30 000 в год. Выявлено также, что бедные домохозяйства склонны считать инфляцию большей проблемой, чем остальные группы населения (Easterly and Fischer, 2001).

Важно понимать, что инфляция ощущается по-разному не только в зависимости от уровня доходов, хотя именно на доходных группах сосредоточено наше исследование. В работе Л. Макгренахана и А. Паулсона (McGranahan, Paulson, 2006) построены ежемесячные индексы инфляции для различных социально-экономических групп, число которых составило 31. Группа с наибольшим отклонением от общей инфляции – это домохозяйства, где глава семьи старше 65 лет. У этих домохозяйств накопленная инфляция была выше среднего на 11 п.п. Вариативность инфляции выше для уязвимых групп населения, что определяется демографическими характеристиками и уровнем дохода, и ниже для более обеспеченных групп. В частности, стандартное отклонение инфляции снижается с ростом уровня образования. Это связано с тем, что домохозяйства с низким уровнем образования тратят большую долю расходов на товары первой необходимости, цены на которые наиболее подвержены колебаниям, включая продукты питания и энергию.

Для России исследование гетерогенности инфляционного бремени по доходным группам проводилось на данных до 2015 г. В статьях М.С. Матыцина (2010, 2011) автор исследует, каким образом различие в характеристиках домашних хозяйств (доход, состав, предпочтения и т.д.) влияет на распределение расходов и на индекс цен (т.е. изменение стоимости корзины товаров) между группами домохозяйств. То есть цель состоит в разработке методики, позволяющей учитывать межгрупповые различия при оценке инфляции и изменении стоимости жизни. Матыцин выдвигает гипотезу о том, что стандартные индексы цен могут недооценивать или искажать изменение реальных расходов, если игнорировать то, что разные группы домохозяйств (по доходу, социально-демографическим характеристикам) покупают разные наборы товаров и реагируют по-разному на изменение цен. На данных Российского мониторинга населения (РМЭЗ НИУ ВЭ) и Всероссийского обследования бюджетов домохозяйств (ВОБДХ) до 2007 г. автор показывает, что применение обычных агрегированных индексов цен (игнорируются различия между домохозяйствами) может недооценивать или переоценивать фактическое изменение «стоимости жизни» для разных групп. То есть группа населения с низким доходом может ощущать инфляцию иначе, чем группа с высоким доходом.

Неравномерное распределение инфляционной нагрузки между беднейшими и богатейшими группами населения означает, что на одни и те же номинальные доходы представители разных групп могут приобрести разный объем товаров и услуг. Это, в свою очередь, может исказить оценку неравенства реальных доходов (Россошанский, 2015). Проведенный А.И. Россошанским анализ данных бюджетных обследований домашних хозяйств Вологодской области показал, что основная часть потребительских расходов малообеспеченных домохозяйств приходится на продукты питания, товары первой необходимости и оплату жилищно-коммунальных услуг, цены на которые росли темпами выше среднего в рассматриваемый период. В результате средняя инфляционная нагрузка на более состоятельные категории населения оказывается значительно ниже, чем на бедные, что способствует дальнейшему усилению социально-экономического неравенства.

Более того, такое неравенство может обостряться в кризисные периоды, такие как Великая рецессия (Argente and Lee, 2020) и пандемия COVID-19 (Cavallo, 2020), усиливая в том числе региональные диспропорции (Malkina, 2022; Stantcheva, 2022) из-за различий в возможностях удаленной работы и уровнях смертности, при этом в более бедных регионах смертность выше, а возможности для удаленной работы ограничены.

Методология

Индекс цен для каждой группы населения по уровню доходов в данной статье рассчитан с учетом структуры потребления данной группы, на основе авторской методики Э.Б. Ершова и М.С. Матыцина (2012). Межгрупповой индекс строится по аналогии с официальным индексом потребительских цен, где показатели инфляции в каждой категории товаров и услуг взвешиваются по доле расходов насе-

ления на эту категорию. Однако вместо весов официальной потребительской корзины используются данные о структуре расходов каждой квантильной группы населения.

Обозначим индекс потребительских цен i -й квантильной группы населения по уровню доходов в период времени t как I_{it} . Тогда:

$$I_{it} = \sum_{k=1}^K w_{ikt} \cdot I_{kt}, \quad (1)$$

где $i = 1, \dots, n$ – номер группы населения по уровню доходов; $k = 1, \dots, K$ – номер категории потребительских товаров и услуг; t – номер периода времени; I_{kt} – индекс потребительских цен на категорию товаров и услуг k в период времени t ; w_{ikt} – доля потребительских расходов группы i на категорию товаров и услуг k в период времени t .

Измерение межгрупповой инфляции с помощью данного индекса применимо для обширного списка категорий населения (по месту проживания, семейному положению, уровню образования и т.п.), но в данной работе будут рассмотрены только группы по уровню доходов. Гибкость индекса также позволяет проводить межгрупповые сравнения инфляции при различной частоте наблюдений, различном числе групп населения и различных разбиениях товаров и услуг на категории, ограниченных лишь доступностью данных.

Однако для интерпретации результатов измерения инфляции с помощью данного индекса необходимо принять во внимание следующие упрощающие предпосылки. Во-первых, не рассматриваются потенциальные различия в ценах или в качестве товаров и услуг, потребляемых домохозяйствами с разным уровнем доходов. Во-вторых, не учитывается возможная разница домохозяйств в скорости замещения товаров при изменении относительных цен.

Показатели межгрупповой инфляции позволяют пересчитать реальный уровень доходов Y_{it}^{Rg} каждой группы населения i в период времени t и оценить его отклонение от значения Y_{it}^R , полученного на основе общего уровня инфляции. Это, в свою очередь, позволяет провести переоценку уровня неравенства в стране на основе такого показателя, как коэффициент Джини.

$$Y_{it}^R = \frac{Y_{it}^N}{\prod_{\tau=1}^{t-\tau_0} \frac{I_{\tau}}{100}}, \quad (2)$$

$$Y_{it}^{Rg} = \frac{Y_{it}^N}{\prod_{\tau=1}^{t-\tau_0} \frac{I_{i\tau}}{100}}, \quad (3)$$

где Y_{it}^N – уровень располагаемых ресурсов группы i в номинальном выражении в период t ; I_t – общий цепной индекс потребительских цен в период t ; τ_0 – базовый период.

Описание данных

В данной работе оценка межгрупповой инфляции в России проводилась на основе официальных данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) за 2010–2022 гг. (такой временной период выбран из-за резкого скачка цен в начале 2022 г.). Список показателей с обозначениями представлен в таблице ниже. Показатель уровня инфляции был сформирован на основе данных об индексе потребительских цен как в общем виде, так и по категориям продовольственных и непродовольственных товаров и услуг на основе раздела «Цены, инфляция» Росстата⁷. Для анализа структуры потребления использованы данные о доле потребительских расходов децильных групп населения на каждую из трех категорий по итогам Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств («Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств»⁸). Из того же источника были взяты данные о номинальном уровне располагаемых ресурсов децильных групп населения. Располагаемые ресурсы учитывают денежные доходы и доходы от натуральных поступлений за вычетом обязательных платежей. На их основе был рассчитан коэффициент Джини для переоценки уровня неравенства населения. Стоит отме-

⁷ «Цены, инфляция», Росстат <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 25 июня 2025 года).

⁸ Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств («Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств»). <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25 июня 2025 года).

тить, что в 2016 г. изменилась методология расчета среднего уровня располагаемых ресурсов в каждой из децильных групп населения. В связи с этим динамика реальных располагаемых ресурсов и уровня неравенства будет рассматриваться отдельно до и после указанной даты.

Таблица

Показатели, используемые в работе

Название показателя			Обозначение
Индекс потребительских цен	общий		I_t
	на продовольственные товары		I_{it}
	на непродовольственные товары		
	на услуги		
Доля потребительских расходов	на продовольственные товары	каждой децильной группы населения	W_{ikt}
	на непродовольственные товары		
	на услуги		
Уровень располагаемых ресурсов	в номинальном выражении	каждой децильной группы населения	Y_{it}^N

Источник: составлено авторами.

В работе использовались данные с квартальной частотой наблюдений. Такая частота позволяет с большей скоростью, чем годовые данные, учитывать изменение уровня и структуры потребления в ответ на экономические шоки, а также сезонные колебания.

Результаты и обсуждение

Первичный анализ данных до построения индексов цен подтверждает различие структуры потребления домохозяйств с разным уровнем доходов. На протяжении рассматриваемого периода 10% наиболее бедных домохозяйств тратили на продовольственные товары почти половину своих располагаемых ресурсов, в то время как для 10% наиболее богатых эта доля не превышала 25% (рис. 1). Такая структура потребления была относительно стабильной в течение всего периода, чего нельзя сказать об уровне инфляции по категориям товаров и услуг.

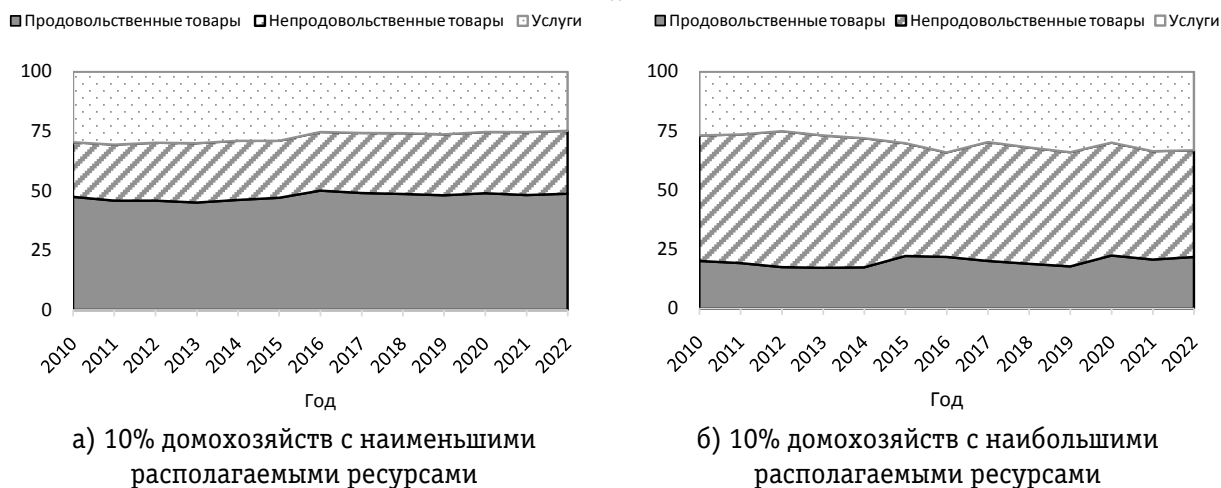

Рис. 1. Структура потребления, % по категориям товаров и услуг в России, 2010–2022 гг.

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата, раздел «Цены, инфляция».

Как видно из графика на рис. 2, у всех рассматриваемых категорий товаров и услуг наблюдалась схожая динамика инфляции. Однако нельзя выделить одну категорию, которая бы систематически испытывала наибольший или наименьший рост цен. Тем не менее можно заметить, что наиболее выраженную реакцию на кризисные периоды демонстрировала инфляция продовольственных то-

варов. Так, рост цен на эту категорию достигал наибольших значений по сравнению с другими во время финансово-экономического кризиса 2010 г., валютного кризиса и введения экономических санкций в отношении России 2014–2015 гг. и пандемии *COVID-19* 2020–2021 гг. Зато в периоды восстановления экономики (например, в 2011 и 2017–2018 гг.) продовольственная инфляция оказывалась меньше, чем по остальным категориям товаров и услуг. Это делает бедные домохозяйства с высокой долей продуктов питания в потреблении особенно уязвимыми в кризисные периоды.

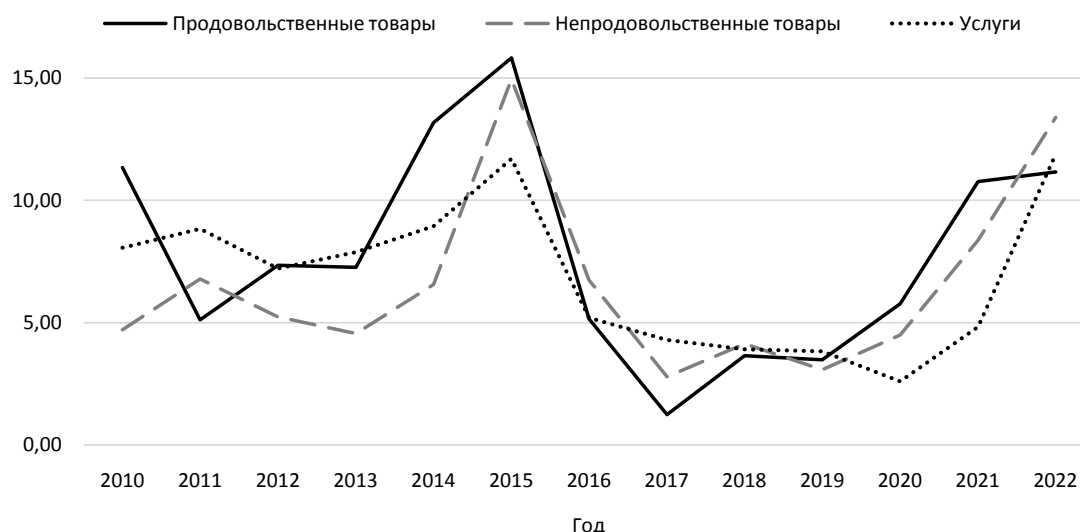

Рис. 2. Динамика инфляции, % по категориям товаров и услуг в России, 2010–2022 гг.

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата «Цены, инфляция».

Построение межгрупповых индексов потребительских цен для первой и десятой децильных групп населения по уровню располагаемых ресурсов подтвердило гипотезу о том, что бедные домохозяйства несут большее инфляционное бремя. Как видно на рис. 3, 10% беднейших домохозяйств наблюдали больший рост цен по сравнению с усредненным показателем для всего населения. Богатейшие же домохозяйства наблюдали уровень инфляции ниже общего показателя в течение всего рассматриваемого периода.

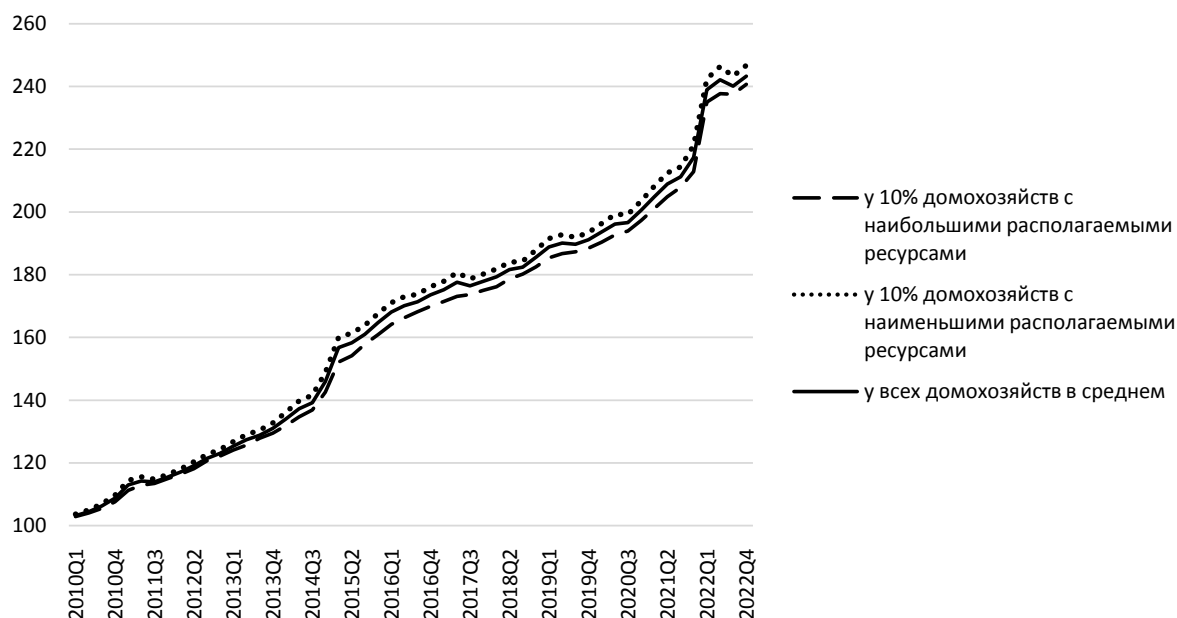

Рис. 3. Квартальные индексы потребительских цен, % по отношению к базисному периоду (начало 2010 г.) в России, 2010–2022 гг.

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата «Цены, инфляция» и «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств».

Этот результат позволяет провести переоценку реальных располагаемых ресурсов и неравенства населения. На протяжении всего рассматриваемого периода реальные располагаемые ресурсы беднейших домохозяйств были статистически значимо завышены без учета их групповой инфляции (рис. 4 и Приложение).

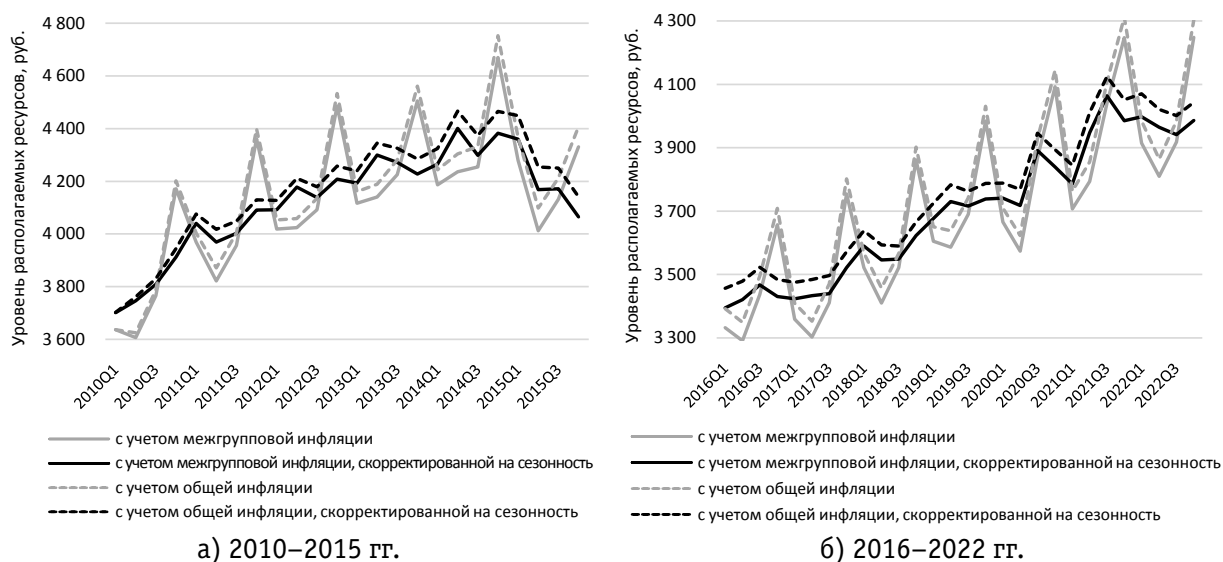

Рис. 4. Динамика реальных располагаемых ресурсов 10% домохозяйств с наименьшими располагаемыми ресурсами с учетом общей и межгрупповой инфляции в России

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата «Цены, инфляция» и «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств».

Обратная ситуация наблюдается с богатейшими домашними хозяйствами: их уровень реальных располагаемых ресурсов с учетом межгрупповой инфляции стабильно статистически значимо превышал тот, что учитывал усредненную инфляцию для всего населения (рис. 5 и Приложение).

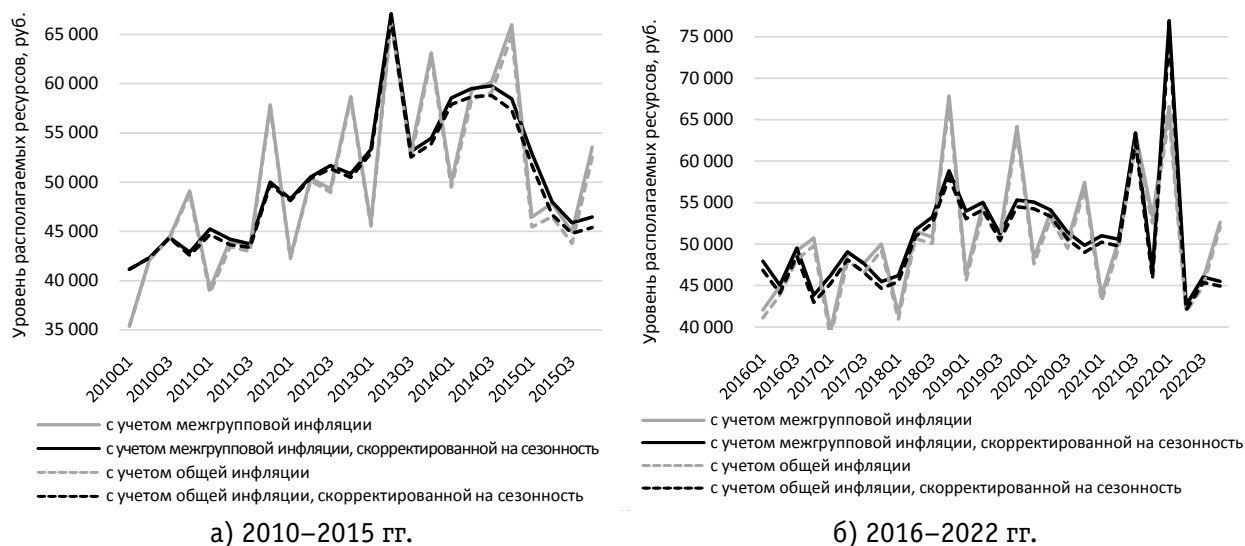

Рис. 5. Динамика реальных располагаемых ресурсов 10% домохозяйств с наибольшими располагаемыми ресурсами с учетом общей и межгрупповой инфляции в России

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата «Цены, инфляция» и «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств».

Хотя эмпирическая часть работы ограничена периодом 2010–2022 гг., выявленный механизм напрямую соответствует макроэкономической ситуации: после 2022 г. инфляция и ожидания остава-

лись высокими относительно целевого уровня в 4%, а ключевая ставка также удерживалась на высоких значениях. Это означает, что ошибка измерения реальных доходов через усредненный ИПЦ потенциально сохраняется, особенно если инфляционные импульсы концентрируются в «базовых» категориях потребления. Следовательно, учет межгрупповой инфляции можно рассматривать как элемент более точной диагностики социальной цены инфляции в режиме жестких условий.

Следовательно, уровень неравенства населения с учетом межгрупповой инфляции оказывается выше официальных значений (рис. 6), что подтверждает первоначальную гипотезу. Так происходит из-за того, что межгрупповые индексы потребительских цен позволяют учесть покупательскую способность отдельных групп населения.

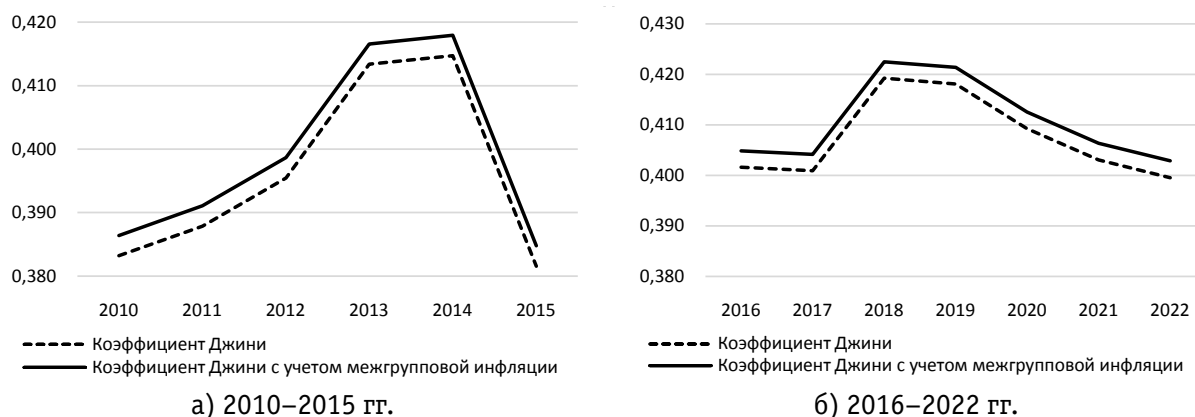

Рис. 6. Коэффициент Джини в России с учетом общей и межгрупповой инфляции

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата «Цены, инфляция» и «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств».

Интерпретация полученных результатов имеет ограничения, так как использованный индекс не учитывает различия цен товаров и услуг, потребляемых разными домохозяйствами. Анализ в данной работе претендует не на получение точных количественных оценок, а на выявление межгрупповой инфляции и определение группы населения по уровню доходов, подвергающейся наибольшей инфляционной нагрузке. Использованный межгрупповой индекс цен можно будет применить в дальнейших исследованиях для иных разбиений товаров и услуг на категории и иных делений населения на группы.

Заключение

В данной статье были построены индексы потребительских цен для отдельных групп населения по уровню доходов. Различия в уровне инфляции объяснялись тем, что группы населения по-разному распределяли расходы между продовольственными товарами, непродовольственными товарами и услугами. На данных 2010–2022 гг. для России подтвердилась гипотеза о том, что бедные домохозяйства подвержены более высокой инфляционной нагрузке, чем богатые. Это неравенство усиливается в кризисные периоды, когда быстрее всего растут цены на продовольственные товары. Именно на эту категорию товаров и услуг приходится почти половина потребительских расходов беднейших домашних хозяйств.

Дифференциация инфляционного бремени позволяет учитывать покупательскую способность различных групп населения. Неравенство по уровню реальных располагаемых ресурсов оказывается сильнее, если учитывать межгрупповые индексы цен вместо усредненного. Учет различий инфляционной нагрузки групп населения может сделать распределительную политику более эффективной.

Однако интерпретация результатов имеет некоторые ограничения. Для начала при построении межгруппового индекса цен не учитывались различия в ценах или в качестве товаров и услуг, потребляемых домохозяйствами с разным уровнем располагаемых ресурсов. Кроме того, было использовано крупное разбиение всех товаров и услуг лишь на три категории: продовольственные и непродовольственные товары и услуги. Наконец, для оценки неравенства приводился лишь один показатель – коэффициент Джини.

В связи с этим существует обширное поле для дальнейших исследований. Во-первых, можно учитывать различия не только в структуре потребления, но и в ценах товаров, приобретаемых различными

домохозяйствами, что требует наличия микроданных об их потребительском поведении. Во-вторых, возможно добиться большей детализации результатов при делении товаров и услуг на более мелкие категории и использовании дополнительных показателей неравенства. В-третьих, можно рассмотреть дифференциацию инфляции у групп населения по другим социально-демографическим показателям (уровень образования, семейное положение, место проживания и т.п.). Наконец, остается незатронутым вопрос о различии инфляционных ожиданий среди различных групп домохозяйств.

В прикладном плане проведенное исследование показывает, что при разработке индексации социальных выплат и оценке динамики реальных доходов важно учитывать возможность систематической ошибки при использовании среднего индекса потребительских цен. В ситуации, когда инфляция отклоняется от целевого уровня, а денежно-кредитные условия остаются жесткими, последствия такой недокомпенсации становятся более значимыми: они проявляются не только в снижении текущего потребления, но и в росте социальной чувствительности к инфляции и закреплении высоких ожиданий у уязвимых групп. Следовательно, результаты работы поддерживают идею, что точность измерения инфляционного бремени – это часть макроэкономической устойчивости, а не только статистическая деталь.

Литература / References

- Грищенко В., Гасанова Д., Фомин Е., Кореньяк Г. (2023). *Идентификация товаров-маркеров и влияние их цен на инфляционные ожидания российских домохозяйств*. Серия докладов об экономических исследованиях, Банк России, № 117. [Grishchenko, V., Gasanova, D., Fomin, E., Korenyak, G. (2023). *Identification of marker goods and the impact of their prices on Russian households' inflation expectations*. Bank of Russia Economic Research Reports Series № 117 (in Russian)].
- Ершов Э.Б., Матыцин М.С. (2012). Исследование дифференциации российского населения по реальным доходам. *Экономический журнал ВШЭ* 16(3), 318–340. [Ershov, E., Matytsin, M. (2012). Differentiation of the Russian population by real incomes. *HSE Economic Journal* 16(3), 318–340 (in Russian)].
- Картаев Ф.С., Клячкова О.А. (2017). Эконометрическое моделирование влияния инфляции на динамику инвестиций. *Деньги и кредит* (9), 55–57. [Kartayev, F., Klachkova, O. (2017). Econometric modeling of the impact of inflation on investment dynamics. *Dengi i kredit* (9), 55–57 (in Russian)].
- Картаев Ф.С., Клячкова О.А., Лукьянова А.С. (2020). Как инфляция влияет на неравенство доходов в России? *Вопросы экономики* (4), 54–66. [Kartayev, F., Klachkova, O., Lukyanova, A. (2020). How does inflation affect income inequality in Russia? *Voprosy Ekonomiki* (4), 54–66 (in Russian)].
- Клячкова О.А. (2017). Моделирование влияния инфляции на экономический рост для различных по уровню экономической свободы стран. *Экономическая политика* 12(5), 22–41. [Klachkova, O. (2017). Modeling the impact of inflation on economic growth for countries with different levels of economic freedom. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy* 12(5), 22–41 (in Russian)].
- Малкина М.Ю. (2016). Институциональные основы неравенства доходов в современной экономике. *Журнал институциональных исследований* 8(1), 100–120. [Malkina, M. (2016). Institutional foundations of income inequality in the modern economy. *Journal of Institutional Studies* 8(1), 100–120 (in Russian).]
- Матыцин М. (2010). Моделирование межгруппового индекса цен покупок продуктов питания в зависимости от микроэкономических характеристик домашних хозяйств. *Экономический журнал ВШЭ* (4), 1–25. [Matytsin, M. (2010). Modeling an intergroup price index for food purchases depending on household microeconomic characteristics. *HSE Economic Journal* (4), 1–25 (in Russian)].
- Матыцин М. (2011). Моделирование инфляции по продуктам питания с учетом доходов населения. *Экономический журнал ВШЭ* (2), 177–201. [Matytsin, M. (2011). Modeling food inflation taking into account population incomes. *HSE Economic Journal* (2), 177–201 (in Russian)].
- Овчинников В.Н., Малкина М.Ю. (2019). Детерминанты неравенства в оплате труда в современной России. *Terra Economicus* 17(3), 30–47. [Ovchinnikov, V., Malkina, M. (2019). Determinants of wage inequality in contemporary Russia. *Terra Economicus* 17(3), 30–47 (in Russian)].

- Россошанский А.И. (2015). Инфляционная нагрузка для групп населения с различным уровнем доходов. *Проблемы развития территории* (4), 172–182. [Rossoshanskiy, A. (2015). Inflation burden for population groups with different levels of income. *Problems of Territory's Development* (4), 172–182 (in Russian)]. EDN: UBMDAN
- Aghion, P., Caroli, E., Garcia-Penalosa, C. (1999). Inequality and economic growth: The perspective of the new growth theories. *Journal of Economic Literature* **37**(4), 1615–1660.
- Amble, N., Stewart, K. (1994). Experimental price index for elderly consumers. *Monthly Labor Review* **117**(5), 11–16.
- Argente, D., Lee, M. (2020). Cost of living inequality during the Great Recession. *Journal of the European Economic Association* **19**(2), 913–952.
- Auclert, A. (2019). Monetary policy and the redistribution channel. *American Economic Review* **109**(6), 2333–2367.
- Cavallo, A. (2020). *Inflation with Covid consumption baskets*. NBER Working Paper № 27352.
- Clayton, C., Jaravel, X., Schaab, A. (2018). *Heterogeneous price rigidities and monetary policy*. SSRN Working Paper № 3186438.
- Easterly, W., Fischer, S. (2001). Inflation and the poor. *Journal of Money, Credit and Banking* **33**(2.1), 160–178.
- Engel, E. (1857). Die productions-und consumtionsverhältnisse des königreichs Sachsen. *Zeitschrift des Statistischen Bureaus des Königlich Sächsischen Ministeriums des Innern* **8**, 1–54.
- Garner, T., Johnson, D., Kokoski, M. (1996). An experimental consumer price index for the poor. *Monthly Labor Review* **119**(9), 32–42.
- Hagemann, R. (1982). The variability of inflation rates across household types. *Journal of Money, Credit and Banking* **14**(4), 494–510.
- Halter, D., Oechslin, M., Zweimüller, J. (2014). Inequality and growth: The neglected time dimension. *Journal of Economic Growth* **19**, 81–104.
- Jaravel, X. (2019). The unequal gains from product innovations: Evidence from the U.S. retail sector. *The Quarterly Journal of Economics* **134**(2), 715–783.
- Jaravel, X. (2021). Inflation inequality: Measurement, causes, and policy implications. *Annual Review of Economics* **13**, 599–629.
- Kaplan, G., Schulhofer-Wohl, S. (2017). Inflation at the household level. *Journal of Monetary Economics* **91**, 19–38.
- Malkina, M. (2022). How the pandemic affected interregional inequality in Russia. *Area Development and Policy* **8**(2), 162–181.
- McGranahan, L., Paulson, A. (2006). *Constructing the Chicago Fed income based economic index–consumer price index: Inflation experiences by demographic group: 1983–2005*. Federal Reserve Bank of Chicago Working paper № 2005–20.
- Monnin, P. (2014). *Inflation and income inequality in developed economies*. CEP Working Paper № 1401.
- Muellbauer, J. (1974). Prices and inequality: The United Kingdom experience. *The Economic Journal* **84**(333), 32–55.
- Stantcheva, S. (2022). Inequalities in the times of a pandemic. *Economic Policy* **37**(109), 5–41.
- Zvereva, V., Demidova, O., Korshunov, D., Myasnikov, A. (2024). Impact of intraregional income inequality on the operation of the Bank of Russia's monetary policy transmission mechanism. *Russian Journal of Money and Finance* **83**(1), 3–31.

Приложение

Приложение 1. Тесты Стьюдента для зависимых выборок

Для 10% домохозяйств с наименьшими располагаемыми ресурсами

Нулевая гипотеза: уровни реальных располагаемых ресурсов с учетом общей инфляции и с учетом межгрупповой инфляции равны.

Альтернативная гипотеза: уровень реальных располагаемых ресурсов с учетом общей инфляции выше, чем с учетом межгрупповой инфляции.

Расчетная статистика $t = 23,172$.

Число степеней свободы = 51.

p-value < 2,2e-16.

Для 10% домохозяйств с наибольшими располагаемыми ресурсами

Нулевая гипотеза: уровни реальных располагаемых ресурсов с учетом общей инфляции и с учетом межгрупповой инфляции равны.

Альтернативная гипотеза: уровень реальных располагаемых ресурсов с учетом общей инфляции ниже, чем с учетом межгрупповой инфляции.

Расчетная статистика $t = -15,719$.

Число степеней свободы = 51.

p-value < 2,2e-16.